

И.Л. Б а б и ч

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ОСЕТИН И СУДЕБНЫЕ РЕФОРМЫ В XIX–XX вв.*

Первые шаги российской администрации по реформированию осетинских правовых традиций проводились в первой половине XIX в., и они ничем не отличались от таких в других северокавказских обществах в этот период. На территории Владикавказско-го округа был введен так называемый осетинский народный суд, состоявший из 12 чел. и осуществлявший свою судебную деятельность на основе норм обычного права¹. Правила судопроизводства были зафиксированы в Общественном приговоре, разработанном Муссой Кундуховым и санкционированном генерал-лейтенантом Евдокимовым, который командовал тогда войсками левого крыла Кавказской армии. Однако уже во второй половине XIX в. в этом округе в отличие от других северокавказских областей, где Россия придерживалась идеи постепенного реформирования местного права (адата и шариата), было введено российское законодательство во всех областях жизни осетинского общества. Начался процесс вытеснения норм шариата и обычного права осетин. Последнее включало в себя нормы, которые можно отнести к гражданскому праву, регулирующие имущественные и некоторые неимущественные отношения, в том числе семейные, и нормы, регулирующие уголовные правонарушения. В российскую правовую систему не были включены как самостоятельные судебные органы осетинский народный суд – *тархоны лагтае*, называемый в русских источниках *посредническим*, или *третейским*, и опиравшийся в своей судебной деятельности на нормы обычного права, а также шариатский суд².

Вместе с тем традиционная судебная практика частично все же была сохранена на уровне сельской общины. Утвержденное российским правительством 18 ноября 1870 г. «Положение о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении в Кубанской и Терской областях» вводило в осетинской деревне сельские суды. Они состояли из трех выбиравшихся на один год судей, находившихся на содержании общины. Руководствуясь нормами местного адата, сельские сходы разбирали мелкие споры и тяжбы между членами общины, сумма иска которых не превышала 30 р. Их юрисдикции подлежали также такие мелкие уголовные преступления, как ссоры, драки, а также кражи и мошенничество, если цена присвоенного имущества не превышала 10 р. Суд не мог применять к виновным телесного наказания. Основным видом наказания были типичные для адата штрафы в пользу потерпевшего и в общинную кассу; под влиянием русского уголовного права у осетин появились новые виды наказания в виде принудительных работ в пользу общины сроком до 6 дней или арест до 7 дней. Из адатной практики сельские суды унаследовали также право обвиняемого очиститься от подозрения в совершении преступления соприсягой его родственников и односельчан (от 2 до 10 чел.).

Из числа всех народов Северного Кавказа только для осетин не был введен Горский словесный суд, использовавший в своей судебной практике нормы обычного права и шариата для урегулирования гражданских и уголовных преступлений³. Один из реформаторов осетинского права, юрист Н.М. Агишев отмечал, что «осетины, хотя и входят в состав горского населения, но на основании закона 1871 г. изъяты из подсудности Горского словесного суда и все возникающие у них дела разбираются в общих судебных установлениях»⁴.

Таким образом, в Осетии были созданы российские судебные органы, применявшие преимущественно российское законодательство. С 1871 по 1918 г. тяжелые уголовные

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда Джона и Кэтрин Макартуров (проект № 99-57294).

преступления, совершенные в осетинских селениях (ранения, убийства, изнасилования), причинение материального ущерба (кражи) и поземельные тяжбы находились в ведении мировых судов. Апелляционной инстанцией для них был Владикавказский окружной суд⁵. Дела в суд попадали по рапортам сельских старшин, при рассмотрении их суд применял российские нормы наказания, в частности лишение свободы в виде ссылки в Сибирь на каторжные работы. За убийство суд определял 8–12 лет каторги, за ранения – исправительные арестантские роты (3–4 года), ссылки. При рассмотрении дел по кражам суд определял исправительные работы от 1 до 2 лет⁶.

Одной из основных причин именно такой формы в судебной реформе в Осетии была принадлежность большинства осетин к христианству, распространившемуся в осетинском обществе с VI в. В XVIII–XIX вв. российская администрация приложила значительные усилия по дальнейшей христианизации осетин. Так, в 1740 г. она учредила «Осетинскую духовную комиссию», в 1860 г. сформировала «Общество восстановления православного христианства на Кавказе», которое стало проводником российской политики в осетинском обществе. В Осетии были построены православные церкви, богослужение в которых велось на осетинском языке. В то же время проникший в первой половине XVII в. к осетинам из Кабарды ислам к концу XIX в. значительно потерял свои и без того слабые позиции. Выселение горцев в пределы Османской империи, проводимое в 1850–1860-х годах российской администрацией (одновременно с пропагандой со стороны османских эмиссаров), коснулось в первую очередь осетин-мусульман, что привело к уменьшению их численности⁷.

По данным на 1897 г., во Владикавказском округе было 70 317 чел. православных и 19 512 чел. мусульман, а в самом Владикавказе – 31 435 чел. православных и 2268 чел. мусульман⁸.

Несмотря на российские судебные реформы, осетинский третейский суд продолжал неофициально функционировать. В некоторых случаях одновременно с судебным процессом в российском суде, а иногда до или после него осетины обращались к третейскому примирению, так как наказание, налагавшееся судебными учреждениями, не избавляло убийцу от мести со стороны родных убитого⁹. Случалось, что третейское разбирательство вообще заменяло российский суд. Согласно правилам, введенным российской администрацией во второй половине XIX в., сельский старшина был обязан составлять рапорт о происшедших в селении преступлениях и отсылать его в российские судебные органы. Часто сельчане просили старшину не делать этого, обещая уговорить конфликтующие стороны примириться. Старшина шел на это, и конфликты улаживались с помощью третейского суда¹⁰.

Осетинский суд состоял из медиаторов, которых избирали конфликтующие стороны из числа наиболее уважаемых и знающих адат сельчан. Часто ими становились члены самих враждующих семей. Если дело было очень серьезным, то приглашали авторитетных осетин из других селений. Число медиаторов варьировало: от 1–2 до 5 чел. с каждой стороны. Чем серьезнее было дело, тем больше судей требовалось для его урегулирования. Так, в 1896 г. для примирения кровников в сел. Христиановском группа медиаторов состояла из 30 чел. Общее число судей должно было быть нечетным: потерпевшая сторона имела право выбрать на одного медиатора больше, чем виновная¹¹.

При рассмотрении дел о кражах судьи обязывали виновного возратить украденное. При рассмотрении случаев ранений и убийств суд устанавливал в качестве наказания выплату виновной стороной компенсации («цены крови») потерпевшей стороне. Судьи определяли размер компенсации и сроки выплаты. Компенсация выплачивалась частично скотом, частично – оружием или домашней утварью, частично – деньгами. Поскольку размер компенсации мог быть большим, виновной стороне разрешалось платить поэтапно. Размер компенсации за убийство варьировал: от 400 до 1800 р. Компенсация за ранение в среднем равнялась половине платы за убийство. При определении «цены крови» за убийство учитывались различные факторы, например личность убитого: если потерпевшим был уважаемый в общине человек, плата

назначалась более высокая, чем за человека порочного, имевшего плохую репутацию. В первой половине XIX в. в осетинском обществе уже возникла сословная иерархия, поэтому на размер компенсации в этот период влияла и сословная принадлежность потерпевшего и виновного, однако в пореформенное время в результате проводимых российской администрацией социально-экономических реформ сословный фактор потерял ведущее значение. Нечаянность деяния не принималась во внимание: компенсация за неумышленное убийство равнялась таковой за умышленное¹².

Процесс примирения включал угощение, устраиваемое виновной стороной (*туджы фынг*), на которое приглашались уважаемые представители конфликтующих семей, а также медиаторы. Во время угощения виновная сторона преподносила какой-либо подарок потерпевшей – например, верховую лошадь со всем снаряжением; часто наряду с этим виновная сторона старалась породниться с потерпевшей посредством брака. Если было необходимо, то медиаторами принималось решение о принудительном выселении виновного и его семьи¹³.

При рассмотрении конфликтов, возникших из-за похищения и изнасилования девушек, враждующие стороны обращались за помощью к посредникам, которые примиряли семьи похитителя и похищенной девушки и устраивали брак между ними. Если же это не удавалось, то судьи могли назначить выплату компенсации за бесчестие девушки в размере 300 р.¹⁴

На медиаторский процесс отчасти влияла религиозная принадлежность участников конфликта. Так, у мусульман примирение конфликтующих сторон часто осуществлялось во время главных мусульманских праздников, а в процедуру примирения включался намаз, проводимый муллой¹⁵. В примиренческом процессе у православных осетин участвовал священник, который возглавлял делегацию медиаторов, посещал кладбище, где служил панихиду. После примирительного угощения православные осетины дарили потерпевшей семье икону¹⁶.

После вынесения медиаторского решения суд определял поручителей со стороны виновного и потерпевшего, которые должны были следить за тем, чтобы виновный выплатил компенсацию в срок. В.И. Маргиев указывал, что обычно поручителей выбирала противоположная сторона: родственники потерпевшего назначали поручителя от виновной стороны и наоборот – родственники виновного назначали поручителя от потерпевшей стороны¹⁷.

Другой действенной формой общинных санкций был *хъоды*, т.е. бойкот, объявлявшийся либо пострадавшей стороной, либо сельчанами виновному в преступлении и его родственникам. Никто из односельчан не выдавал девушек замуж за мужчин из семей, на которых наложен хъоды; никто не женился на девушках из таких семей; никто не приходил к ним на похороны и свадьбы; никто не пускал их к себе в гости, никто не ходил в гости к ним; никто с ними не разговаривал. Жизнь семьи, на которую был наложен хъоды, становилась невыносимой. Снять хъоды можно было, только примирившись со своими кровниками или переселившись в другое отдаленное селение.

Несмотря на все перечисленные меры, в ряде случаев ни российский суд, ни третейский примирительный процесс не могли защитить виновную сторону от кровной мести. Бывало так, что после того как прошел судебный процесс в российском суде, а также была выплачена компенсация согласно традиционному примирению, виновный, отбыв наказание и вернувшись в родное селение, подвергался мести¹⁸. В XVII–XIX вв. кровная месть как ответ на исходный конфликт была широко распространена у осетин. Осетинская месть редко заканчивалась одним убийством. Как правило, родственники потерпевшего на второй стадии конфликта также требовали мести, и она совершалась.

Кровная месть могла быть вызвана различными причинами: и оскорблением, осквернением дома (например, снятием и выбрасыванием семейной надочажной цепи), и оскорблением девушки, и причинением ущерба – как физического (ранение или убийство), так и материального (кража скота или потрава)¹⁹. Осетины старались соблюдать правило адата, согласно которому месть не должна превышать степень

жестокости первого убийства. Так, в одном конфликте мужчине отрезали ухо, в ответ на это родственники потерпевшего сделали то же самое обидчику. Были в арсенале и более редкие формы мести: однажды за убийство был взорван дом и при этом было ранено несколько человек²⁰. Для отмщения осетины могли использовать и некровные формы мести. Если сельчанин был судьей сельского суда, то он мог отомстить своему врагу, приняв судебное решение во вред этому человеку. Иногда сельчане становились *докащниками*, т.е. людьми, в тайне от окружающих дававшим в суде показания против своих сельчан, с которыми у них были враждебные или кровнические отношения²¹.

Принципом осетинской мести было равное возмездие: жертва должна быть равна потере. Поэтому необязательно наказывался виновный, если он был, по выражению осетин, плохим – например, хромым, косым, горбатым или дряхлым стариком. В знак мести потерпевшие или их родственники стремились убить не самого виновного, а другого, более достойного человека из его семьи²². В XIX в., по сообщению К. Хетагурова, у осетин отчасти сохранялось правило, согласно которому перед совершением кровниками (чаще всего молодыми ребятами) мести они получали разрешение на нее на совете всех старших родственников семьи²³.

Несмотря на все особенности осуществления кровной мести, по моему мнению, общинная идеология осетин пореформенного времени была направлена скорее на примирение кровников, нежели на реализацию кровомщения. Примирение проходило чаще всего по инициативе не конфликтующих сторон, а посторонних лиц, которые при необходимости помогали выплатить присужденную медиаторами компенсацию²⁴.

Шариатская судебная практика у осетин-мусульман имела незначительную сферу применения. Сельские суды руководствовались в гражданско-наследных исках нормами шариата, согласно ханафитскому религиозно-правовому толку мусульманского права (арабск. *фикха*)²⁵. Из конфессиональной принадлежности вытекали и некоторые различия в брачно-семейных правовых нормах. Так, у осетин-христиан практиковался выкуп по адату, который шел родителям невесты, у осетин-мусульман – выкуп по шариату, который должен был поступать частично в распоряжение самой невесты в качестве обеспечения ее в случае вдовства или развода: фактически в результате взаимодействия обычного и исламского права выкупные ценности делились между невестой и ее родней²⁶.

Правовое реформирование, проводимое в первое десятилетие после установления советской власти, в Северной Осетии в отличие от других северокавказских республик не включало переходных этапов, когда советская администрация на Северном Кавказе шла на уступки, создавая промежуточные, временные судебные органы с элементами местного права (обычного права и шариата). В Горской же республике, в которую с 1921 по 1924 г. входила Северная Осетия*, установление и укрепление советской власти в судебных органах (в отличие от остальных республик) проходило тяжело: советские партийные лидеры постоянно сталкивались с «восточным лицемерием и интриганством», как значится в одном документе того времени²⁷. Наиболее трудное положение было в Чечне, где давал себя знать бандитизм, тесно связанный как с местными мусульманскими лидерами, так и с агентами, прибывавшими из Турции и Афганистана. В результате к 1922 г. в Чечне сформировалась «сильнейшая группировка мулл, представляющая достаточно серьезную силу в чеченских условиях, пользующаяся авторитетом у большей части населения», не признававшего советскую власть²⁸.

Как отмечалось в документах того времени, ныне содержащихся в архивных хранилищах, процесс «советизации» легче всего проходил в Северной Осетии, где уже

* В 1921 г. была образована Горская АССР, которая вначале включала в себя шесть административных округов (Кабарда, Балкария, Карачай, Чечня, Ингушетия, Осетия). Постепенно из состава республики вышли Кабарда, Балкария, Карачай и Чечня. К 1923 г. в Горской республике остались Осетия (численность осетин 132 241 чел.), Ингушетия и Сунженский округ. В 1924 г. Горская республика была расформирована и были образованы Северо-Осетинская и Ингушская автономные области.

к началу 1920-х годов среди населения в значительной степени упрочилось уважение к российской власти и российскому закону²⁹. Поэтому только в этих землях начались открытая ликвидация адатно-шариатского судопроизводства и активное внедрение советского права и судопроизводства. В 1921 г. в Северной Осетии уже были сформированы советские судебные органы: окружные народные суды, рассматривавшие все уголовные и гражданские дела согласно советскому праву, и курировавший их работу областной совет народных судей. Наряду с народными судами действовали революционные трибуналы, которые осуществляли правосудие по наиболее важным уголовным и политическим делам, как то: выступления против советской власти. В Горской республике был сформирован Главный суд, при котором и функционировал Горский ревтрибунал. После распада Горской республики и образования Северо-Осетинской автономной области в 1924 г. был сформирован Североосетинский областной суд³⁰.

Отношение советской администрации Северной Осетии к обычному праву изначально было резко отрицательным. Власти Горской республики, а после ее распада в 1924 г. Народный комиссариат юстиции СНК Северо-Осетинской автономной области, проводили политику ликвидации полномочий третейских судов. ЦИК Горской республики не раз отказывал сельским советам в их просьбах открыть на местах медиаторские суды, мотивируя это решение тем, что «с точки зрения советского законодательства медиаторский суд не допустим»³¹. В тех же случаях, когда неофициально осетины все же проводили медиаторское примирение и их судьи принимали решение о выплате компенсации, советская администрация, не запрещая этого, старалась контролировать все этапы данного процесса³².

Как свидетельствуют архивные материалы, в начале 1920-х годов третейское примирение использовалось осетинами для урегулирования конфликтов, связанных с причинением материального и физического ущерба. Иногда это удавалось, иногда нет. Медиаторы предписывали виновной стороне выплатить компенсацию родственникам потерпевшего, подарить им верховую лошадь в полном снаряжении и помочь провести похороны и поминки, а затем организовать примирительное угощение и пригласить всех тех, кто был на похоронах и всех членов враждующих сторон (обычно 200–300 чел.). Во время угощения представители виновной и потерпевшей сторон должны были пожать друг другу руки. Затем виновной стороне полагалось поставить памятник погибшему. Иногда после выплаты компенсации семья виновного добровольно или по решению медиаторов переезжала на жительство в другое селение Осетии или в другую республику Северного Кавказа, например в Кабардино-Балкарию³³.

Между тем в 1920-е годы резко увеличилось число актов кровной мести среди осетин, а также возросло число кровников, которые не смогли примириться с помощью третейского суда³⁴. К убийству в качестве мести прибегали в тех случаях, когда хотели отомстить за совершенное в исходном конфликте убийство или вследствие политических разногласий: кровная месть в эти годы превратилась, как сказано в архивном деле, в «классовую месть»³⁵. Сохранялись также отголоски общинных санкций, связанных с совершением кровной мести. С.А. Голунский сообщал, что тот сельчанин, который был обязан осуществить месть (как правило, родной брат или сын погибшего), но не делал этого, подвергался целому ряду формальных и неформальных способов воздействия со стороны родственников (уговаривали, стыдили). Старшие по возрасту настраивали более молодых на месть за убитого родственника. Так, в одном архивном деле указывалось, что братьев к убийству склонил 70-летний сельчанин, в другом подстрекателем мести был также 70-летний старик. Если все-таки брат или сын отказывались мстить, то обязанность мщения принимал на себя один из ближайших родственников. В этот период общественное мнение признавало необходимым отмщение за убитого родственника. Так, адвокат одного обвиняемого в совершении убийства на почве кровной мести, чье дело рассматривалось в Ревтрибунале, указывал, что у осетин сохранялся обычай кровной мести и обвиняемый не мог поступить иначе, «так как в противном случае его назвали бы трусом»³⁶.

Осетины по большей части все-таки стремились примирить кровников в своих селениях и тем самым пресечь кровную месть. Во многих архивных делах можно прочесть сведения о постоянных попытках такого рода со стороны общества³⁷. Однако уговорить конфликтующие стороны примириться не всегда удавалось, иногда для этого требовались годы. Так, в одном селе примирение состоялось только через 8 лет, в другом – через 19. Однако и после примирения кровная месть иногда возобновлялась³⁸.

По моему представлению, дореволюционные третейские суды, не поддержанные российской властью, к 1920-м годам в значительной степени утратили свои регулятивные функции. В результате к этому периоду в Осетии оказалось много семей, между которыми годами, а подчас и десятилетиями продолжались кровнические отношения, и третейский примиренческий процесс уже не был в состоянии ослабить агрессивную реакцию между людьми и изменить сложившуюся в этот период конфликтную ситуацию.

В этих условиях советская администрация попыталась воссоздать третейские суды в виде примирительных комиссий, решения которых контролировались уже не общинами, а советскими судебными и правоохранительными органами власти. Еще в мае-июне 1921 г. в Горской АССР были созданы одна окружная (Владикавказская) и подчинявшиеся ей более десяти сельских примирительных комиссий по кровным делам. В их функции входило руководство примирением конфликтующих семей. Согласно нормам осетинского адата, судьи устанавливали «цену крови» в денежном или натуральном выражении, сроки устройства примирительного угощения кровников, вели переговоры с советскими властями о выдаче сельской общине убийц и похитителей девушек. В полномочия сельских комиссий входило урегулирование конфликтов внутри общины, а окружной – разбор столкновений на почве кровной мести между выходцами из разных сельских общин. После распада 7 июля 1924 г. Горской АССР примирительные комиссии продолжали работать в Северо-Осетинской автономной области.

Можно отметить существенные отличия советских примирительных комиссий от традиционного осетинского суда медиаторов. Во-первых, примирительные комиссии не были добровольным третейским органом, создаваемым по согласию конфликтующих сторон: их формирование поручалось исполкомам сельских советов. Формально решение об их образовании принималось на сельских сходах, однако, как свидетельствуют архивные материалы, комиссии создавались советской администрацией вопреки желаниям сельчан. Более того, советские органы власти заставляли конфликтующие стороны обращаться в эти комиссии для урегулирования своих споров, в противном случае угрожая высылкой всех кровников в сибирские края. Советская администрация настаивала на том, чтобы осетины подчинялись решениям советских примирительных комиссий как закону³⁹. Во-вторых, советская администрация создавала одну примирительную комиссию для примирения всех имеющих в селении кровников, тогда как осетинский третейский суд формировался для каждого дела отдельно. В-третьих, в состав комиссии входили представители не двух (конфликтующих) сторон, а трех: потерпевшей (2 чел.), виновной (2 чел.) и властных органов (3 чел.)⁴⁰.

Иногда участники конфликта соглашались на рассмотрение своего дела в советской примирительной комиссии, но впоследствии отказывались подчиниться ее решению. Поэтому советская администрация ввела и другое правило: до начала судебного разбирательства в примирительной комиссии конфликтующие стороны были обязаны подписать документ, названный по аналогии с осетинским третейским документом «медиаторской подпиской», где заверялось, что стороны соглашались подчиниться любому решению примирительной комиссии. Так, в 1924 г. примирительная комиссия сел. Нокгау рассмотрела дело об убийстве и вынесла решение о выплате компенсации вдове погибшего в размере 600 руб. в течение 6 месяцев. Тем не менее вдова и через год не получила компенсацию и возбудила уголовное дело в областном суде. Наконец,

даже в тех случаях, когда, как свидетельствует архивный документ, комиссии удавалось примирить кровников, то часто через некоторое время кто-либо из семьи потерпевшего совершал кровомщение и убивал члена семьи, виновного в исходном конфликте⁴¹.

Однако отдельные успешные случаи примирения кровников усилиями советских примирительных комиссий все же имели место. Если дело, регулируемое такой комиссией, попадало в советский суд, то он учитывал решение примирительной комиссии и выносил оправдательный приговор виновному или просто закрывал дело, апеллируя к широко распространенному в 1920-х годах принципу смягчения наказаний лицам, происходящим из «социальных низов»⁴².

Иной в Северной Осетии была судьба шариата. Если борьбу с православием в осетинском обществе советская администрация начала с самого начала своей деятельности⁴³, то к исламу, который исповедовало большинство северокавказских горцев, в том числе и тех, кто населял Горскую республику, отношение было более терпимым⁴⁴.

На учредительном съезде Горской АССР, состоявшемся 16–22 апреля 1921 г., было принято специальное постановление «О введении шариатского судопроизводства». На территории республики создавались отдельные шариатские суды для местного мусульманского населения. В Чеченском округе было создано 16 судов, в Ингушетии – 3, в Кабарде – 4. Между тем (по свидетельству архивных документов) в мусульманских селениях осетин* шариатские суды не были созданы⁴⁵, они появились лишь к концу 1921 г. Шариатским судам стали подсудны гражданские и наследные тяжбы между мусульманами. Для направления текущей судебной деятельности шариатских судов и надзора за рассмотрением судебных дел при областном совете народных судей было учреждено шариатское отделение совета на правах апелляционной инстанции для всех шариатских судов. Кассации на решения шариатских судов могли подаваться в созданный при Отделе юстиции Терского облисполкома Шариатский подотдел. Ему же был поручен общий контроль над деятельностью всех шариатских судов области. При подотделе учреждалось постоянное совещание из представителей горских народов.

В Горской республике при Наркомюсте был сформирован шариатский отдел. К началу 1922 г., когда в Горскую республику входили только Осетия и Ингушетия, шариатские суды были упразднены. К концу этого года система шариатских судов была полностью ликвидирована в Осетии, но сохранена в Ингушетии. Осетин-членов ВКП(б), которые продолжали соблюдать мусульманские обряды, исключали из партии⁴⁶.

Таким образом, уже в 1922 г. в Северной Осетии советские судебные органы стали единственными правовыми учреждениями, в которые осетины могли обратиться для рассмотрения спорных дел. Они рассматривали все гражданские и уголовные тяжбы осетин. Серьезные уголовные дела, в том числе и убийства на почве кровной мести, в первой половине 1920-х годов рассматривались уголовно-следственным отделом Главного суда и Ревтрибуналом.

В первой половине 1920-х годов советская судебная система Осетии характеризовалась, во-первых, вынесением чрезвычайно мягких приговоров, во-вторых, учетом примирения сторон с помощью медиаторов или членов советских примирительных комиссий. Судьи использовали все виды амнистий, которые возможно было применить к виновным осетинам. В эти годы амнистии, во-первых, приурочивались к каждой годовщине Октябрьской революции и образования СССР; во-вторых, осетин амнистировали как «хлеборобов» и «социально неопасных». В результате виновных в серьезных гражданских или уголовных преступлениях освобождали либо полностью, либо условно⁴⁷. Например, в мусульманском сел. Карджин в 1907 г. поссорились двое

* В 1920-е годы, согласно архивным данным З.Х. Мисрокова, в Осетии было 18 селений, в которых проживали мусульмане.

сельчан, в результате один убил другого. В 1920 г. между родственниками конфликтующих сторон состоялось примирение. Однако вскоре родственник потерпевшего убил кровника. Через два года два брата этого погибшего кровника убили и того убийцу, который возобновил цепь кровомщения. Дело рассматривалось в Ревтрибунале. Суд вынес приговор: одному брату – 8 лет лишения свободы, другому – 2 года. Обратившись к праву амнистии в связи с 5-й годовщиной Октябрьской революции, судьи снизили сроки наказания соответственно до 5 лет 8 мес. и 1 год 4 мес.⁴⁸ В 1922–1923 гг. из 16 рассмотренных Главным судом дел по убийствам 5 чел. получили условные сроки лишения свободы (от 1 до 2 лет, в редких случаях – от 3 до 8 лет), 2 чел. были полностью освобождены по амнистии, двум виновным были снижены сроки (с 8 до 2 лет), и лишь 5 чел. получили сроки наказания от 5 до 10 лет⁴⁹. При рассмотрении дел об убийствах на почве кровной мести суд учитывал состоявшееся медиаторское урегулирование конфликта или примирение, осуществленное с помощью советской примирительной комиссии⁵⁰.

Обычно суровые наказания, в том числе и высшую меру наказания – смертную казнь, применяли лишь к тем, кто участвовал в грабежах. Такие дела рассматривались Ревтрибуналом. Тем не менее в первой половине 1920-х годов и на эти преступления распространялась амнистия⁵¹. Как видно из материалов судебных дел Главного суда, в 1924 г. за ограбление было осуждено 4 чел., из них 2 получили условные сроки наказания, 2 – реальные сроки – по 5 лет лишения свободы. За кражу было осуждено 23 чел., условные сроки получили 7, а реальные сроки – 18 чел. (от 1 до 3 лет лишения свободы). За грабеж было осуждено 2 чел., одного виновного приговорили к расстрелу, который был заменен 10 годами лишения свободы, другой получил 6 лет 8 мес. За бандитизм 5 чел. были осуждены и получили сроки от 2 до 6 лет лишения свободы⁵².

Во второй половине 1920-х годов судебная система в Северной Осетии была ужесточена. При рассмотрении дел об убийстве, в том числе и на почве кровной мести, назначались сроки лишения свободы от 2 до 8 лет. Часто в суд попадали дела, уже рассмотренные примирительными комиссиями, но после, казалось бы, успешного примирения кровников кто-нибудь из семьи потерпевшего совершал убийство на почве кровной мести. Виновные в подобных преступлениях получали от 3 до 8 лет лишения свободы. Как показывает анализ рассмотренных Ревтрибуналом материалов по убийствам, совершенным на почве кровной мести, суд часто выносил суровые наказания без права амнистии. Иногда это право все же на таких преступников распространялось. До введения X главы в Уголовном кодексе РСФСР (1928 г.) в советском судебном решении учитывалось и состоявшееся примирение кровников⁵³.

Дела, связанные с похищением девушек и их изнасилованием, находились в компетенции областных судов. В первой половине 1920-х годов за эти правонарушения виновные получали чаще всего условные сроки лишения свободы. В 1924 г. в новом УК появились статьи 228 и 229, которые позволили судам назначать виновным сроки наказания от 1 до 3 лет уже реального тюремного заключения⁵⁴.

В 1930–1950-е годы в Северной Осетии советское судопроизводство значительно укрепило свои позиции, осетины приспособились к жизни в условиях единой советской судебной системы. С 1940-х годов правоохранные и судебные органы стали все больше требовать ужесточения уголовных статей за преступления, связанные с «пережитками капитализма и феодально-родового быта», в том числе и с кровной мстью⁵⁵. Тем не менее многие дела, возникшие вследствие убийств на почве кровной мести или похищением девушек, все еще закрывались без осуждения виновных. В документах обкома КПСС Северной Осетии за 1959 г. значится: «Терпимо иногда относятся к таким фактам органы суда, милиции и прокуратуры»⁵⁶. Сельчане, как правило, вообще скрывали происходившие в их селении преступления, поэтому (если верить официальным документам) количество случаев кровной мести значительно сократилось. Так, в докладе С.Д. Кулова на заседании Пленума Североосетинского обкома ВКП (б) приводились следующие данные: в 1930 г. произошло три убийства на почве кровной мести (за эти преступления было осуждено 8 чел.), в 1931 г. – четыре

случая (осуждено 5 чел.), в 1940 г. не было зарегистрировано ни одного случая. В 1940–1950-е годы официально сообщалось лишь об единичных случаях совершения кровной мести. С.Д. Кулов отмечал, что в этот период месть сохранялась, но приняла новые, некровные формы: если представители одной семьи получали руководящие должности в колхозном правлении, то они могли преследовать рядовых колхозников – своих врагов с помощью административных мер (выговоры, лишение премии и т.д.). Конфликтующие стороны также создавали группировки, которые проводили клеветнические кампании друг против друга. Одной из распространенных форм некровной мести стало лжесвидетельство⁵⁷.

Некоторые конфликты сельчане старались урегулировать с помощью третьей стороны, которое продолжало неофициально бытовать в 1940–1950-е годы. На собрании одной парторганизации в Северной Осетии говорилось: «Есть случаи, когда отдельные люди пытаются культивировать примирение кровников путем выплаты компенсации и организации большого хиста, т.е. поминок»⁵⁸. Стало распространенным примирение при похищении девушек. Как только случалось похищение, в семью девушки шли ходатаи, или, по-осетински, *минаеваердтае* (родственники и соседи похитителя), которые начинали вести переговоры с родственникам девушки о браке и размере калыма. Чаще всего девушка и ее родители соглашались на брак. В этом случае, даже если ко времени примирения уже было возбуждено уголовное дело, его закрывали⁵⁹.

Такая правовая практика сохранялась в осетинском обществе вплоть до 1990-х годов, когда изменения общественно-политических и социально-экономических условий в стране, и в том числе в Республике Северная Осетия, привели к появлению новых черт в общественной правовой идеологии и правовой практике.

В современном осетинском обществе в характерных конфликтах и преступлениях необходимо различать (как мне представляется) сельскую, более традиционную, и городскую преступность, включающую в себя новые виды преступления, и в первую очередь связанную с наркотиками, рэккетом, незаконным хранением оружия и похищением людей. Один из наиболее распространенных видов сельской преступности – кражи, в особенности кражи государственного и частного скота, совершаемые как отдельными личностями, так и бандами (кабардинскими, осетинскими, чеченскими и ингушскими). Наибольший рост воровства скота отмечается в Дигорском, Правобережном, Алагирском, Ардонском, Кировском и Ирафском районах республики.

В 1990-е годы наблюдаются земельные конфликты. С середины 1920-х вплоть до 1980-х годов включительно в Осетии существовала колхозная система, которая объединяла все осетинские селения. Обычно один колхоз включал в себя земли одного–двух селений. В настоящее время на территории Осетии идет процесс частичной ликвидации колхозов. Иногда осетины требуют возвращения колхозных земель, принадлежавших до коллективизации их общинам. Появились в республике также новые формы владения и пользования землей: развивается фермерское хозяйство, фермеры получают земли из колхозного фонда, что также вызывает конфликты между ними и другими сельчанами. В 1990-е годы в колхозах и совхозах Северной Осетии произошло резкое уменьшение численности скота; в то же время можно наблюдать значительное увеличение количества скота у частных владельцев. Последние испытывают острую нехватку пастбищных угодий, которые остались в ведении колхозов, и просят предоставить им в пользование часть колхозных земель для выпаса скота. Это также ведет к конфликтам.

Наконец, в Северной Осетии, как и прежде, распространенным видом преступлений остается причинение неумышленного физического ущерба (неосторожные ранения и убийства, происходящие на свадьбах или других праздниках, а также во время автомобильных аварий на дорогах)⁶⁰.

Общим бедствием как для сельчан, так и для горожан Осетии стало похищение людей с целью получения выкупа. По официальным данным, за 1998–1999 гг. в Осетии было похищено 121 чел., по данным осетинской общественной организации

«Стыр Ныхас», – 172 чел. Чаще всего крадут жителей Пригородного и Правобережного районов, а также г. Владикавказа. В основном похищения людей совершаются организованными группами (в них входят осетины, ингуши, чеченцы) методом челночного ролевого участия: осетины крадут осетин, переправляют ингушам, а те – чеченцам. Часто похищения людей вызывают ответные захваты осетинами ингушей и чеченцев⁶¹.

В настоящее время в осетинском обществе понятие кровной мести – *туг исын*⁶² – сохраняется, хотя случаи ее осуществления крайне редки. Кровная месть ныне практически не существует и не является признанным способом урегулирования конфликтов, открытых убийств на почве кровной мести не происходит. Иногда же месть осуществляется тайно. Сельчане знают о том, кто убийца, однако в правоохранительные и судебные органы об этом не сообщают⁶³. По данным Верховного суда РСО-А и Судебного департамента РСО-А, в 1990-е годы не было ни одного случая рассмотрения в суде убийства, совершенного на почве кровной мести⁶⁴.

В современном обществе третейский суд в том виде, в каком он бытовал у осетин во второй половине XIX – начале XX в., не существует. Между тем правовая традиция примирения (*тутчынта*) сохраняется преимущественно в сельском осетинском обществе на уровне общественного мнения. К настоящему времени у городских и отчасти сельских осетин сформировалось российское правосознание, которое играет значительную роль при обращении осетин (сельских – чаще, городских – реже) к традиционному примирению. Как показывают полевые этнографические материалы, осетины реже, чем другие народы Северного Кавказа, например кабардинцы, обращаются к нормам обычного права, и иногда отказываются мириться со своими кровниками или врагами⁶⁵.

Соблюдение традиции примирения играет важную роль в развитии дальнейших взаимоотношений между семьями виновного и потерпевшего. Осетинское правосознание различает причинение умышленного и неумышленного физического ущерба. Если произошло умышленное убийство или другое серьезное преступление, обязательно проводится судебное следствие в российских правоохранительных и судебных органах, даже если виновный и потерпевший – родственники. Причем родственники потерпевшего независимо от того, состоялось традиционное примирение или нет, сами настаивают на осуждении виновного российским судом, расценивая это как акт заслуженного наказания. Приведу пример: в 1999 г. осетин из Южной Осетии убил свою жену – осетинку из Северной Осетии. Его родственники не раз пытались примириться с семьей женщины, однако их не пустили даже на похороны. Виновный был осужден российским государственным судом⁶⁶.

Третейское примирение используется при урегулировании отношений между семьями виновного и потерпевшего в случае причинения неумышленного физического ущерба (ранения или смерти), в том числе во время автомобильных аварий с человеческими жертвами. К посредникам, занимающимся примирением сторон, обращаются и при изнасилованиях либо похищениях девушек (они также чаще всего сопровождаются изнасилованием). Подчеркну, что для сельского осетинского общества изнасилование не является распространенным видом преступления, и в этих случаях родственники виновного через посредников стараются урегулировать ситуацию с помощью брака между виновным и потерпевшей девушкой⁶⁷.

Традиционное посредничество не используется при урегулировании конфликтных ситуаций нового типа, в частности похищений людей с целью выкупа. Переговоры о выплате выкупа ведут подельники, члены банд, ничего общего не имеющие с традиционными осетинскими посредниками. Единственная применяемая в этом случае норма обычного права – это оказание однофамильцами финансовой помощи при уплате выкупа⁶⁸.

Процедура традиционного примирения (*фидыд*) частично сохраняется в современном осетинском обществе. Если старшие из фамилии виновного решили идти мириться, то они вначале отправляют в дом потерпевшего посыльного, для того чтобы спросить,

можно ли им прийти. Если разрешение получено, то в дом потерпевшего направляется делегация численностью до 50 чел., в которую включаются посредники (*фидауаг* или *минаеваердтае*), духовные лица (если селение мусульманское), например мулла, и старшие родственники виновного. Их встречают старшие из фамилии потерпевшего, которые ко времени прихода делегации собираются в его доме. В настоящее время уже не бытуют многие обычаи примиренческого процесса, например вставание на колени, сохранявшееся, как свидетельствуют этнографические материалы, еще в 1940-е годы. Если родственники потерпевшего соглашаются на примирение, то посредники начинают разговор о компенсации. Потерпевшая сторона сама называет сумму. Бывает и так, что примирение осуществляется, даже если потерпевшая сторона отказывалась от компенсации, говоря, что они «кровь не продают». Помимо компенсации виновная сторона дает деньги и продукты для устройства похорон и поминок. Родственники из семьи виновного должны прийти на похороны. В знак уважения к семье потерпевшего виновный и члены его семьи иногда в течение 40 дней после погребения соблюдают траур: женщины ходят в черном платке, а мужчины не бреются и носят головные уборы. В редких случаях траур соблюдается в течение года⁶⁹.

Общинные санкции по отношению к виновному и его семье, в частности бойкот (*хъоды*) в осетинских селениях ныне сохраняется частично. Членам семьи, которой объявляют бойкот, запрещают участвовать в свадьбах, похоронах и других общественных мероприятиях сельчан. Так, в одном селении на сходе был «наложен хъоды» на три семьи наркоманов, в результате чего их вынудили уехать из села. Подобный случай произошел в сел. Фарн, где бойкот объявили семье воров, которые также были вынуждены уехать в селение Суадаг. Но это скорее исключение, чем правило. Известны случаи, когда семьи, которым сельчане объявили бойкот, не обращали внимания на общественное мнение⁷⁰.

В современном осетинском обществе редко, но все-таки применяется и такая норма обычного права, как выселение виновного: по традиции, семья виновного должна выселиться, если она не может помириться с родственниками потерпевшего. Тем не менее примеров отказа от выселения множество. Например, в 1992 г. в сел. Чикола колхозник в состоянии опьянения изнасиловал свою пожилую соседку. Его семья отказалась выполнить требование сельского схода о выселении за пределы селения и, несмотря на наложенное на эту семью хъоды, продолжала жить в нем. Тогда авторитетные сельчане обратились в народный суд. Насильник был арестован и осужден на длительный срок тюремного заключения, а семья осталась жить в Чиколе⁷¹.

Если состоялось традиционное примирение, то обычно через год (после проведения годовых поминок) отношения между семьями виновного и потерпевшего восстанавливаются. Между детьми из таких семей даже заключаются браки. На успех примирительного процесса влияет ряд факторов, в частности родственный и территориальный. Если участники исходного конфликта – родственники, даже дальние, им примириться легче. Можно сказать, что традиционные правовые нормы лучше всего сохранились на уровне семейных отношений, поскольку в осетинском обществе до сих пор сохраняется понятие родства: все однофамильцы считаются родственниками. То же самое происходит, если участники конфликта живут в близком соседстве⁷². Принадлежность участников конфликта к разным конфессиям – православной или мусульманской – не оказывает влияния на урегулирование правонарушений. Если участники конфликта православный и мусульманин, то стороны могут примириться так же, как и во всех остальных случаях.

Совершение или несовершение примирения зависит от характера преступления. Как указано выше, затруднено примирение при совершении умышленного убийства. Например, в 1997 г. произошел следующий случай: молодой осетин, желая отомстить отцу за распад семьи, ограбил банк, которым владел его отец. Во время ограбления парень убил сотрудника банка. Родственники погибшего, с которыми, согласно

правовой традиции, пытались примириться близкие преступника, его не простили. Вместе с тем, как показывают полевые этнографические материалы, даже при подобных преступлениях осетины пытаются примириться с помощью медиаторов, но чаще всего этот маневр не удается и между семьями виновного и потерпевшего складываются враждебные отношения. В этих случаях, как я отмечала выше, семья потерпевшего, отказавшись мириться, предоставляет государственному суду осудить виновного и мстить за убийство по законам горцев все же не желает⁷³.

В первой половине 1990-х годов произошла постепенная десоветизация всей судебной-правовой системы Северной Осетии. Согласно принятой 12 ноября 1994 г. новой Конституции республики, в Северной Осетии официально сохраняется единая моноюридическая судебная система, основанная на российском законодательстве (ст. 102, 104). Единственным органом судебной власти являются народные городские и районные суды. В своей работе они руководствуются исключительно новым Уголовным кодексом РФ, введенным в действие с января 1997 г. Надзор за деятельностью народных судов осуществляет Верховный суд РСО-А (далее – ВС РСО-А; ст. 102)⁷⁴.

Изучая судебную практику российских народных судов и Верховного суда республики в 1990-е годы, можно сделать вывод о превалировании законодательства Российской Федерации при урегулировании большинства происходивших в сельских и особенно городских осетинских населенных пунктах преступлений. Некоторые преступления, связанные с причинением неумышленного физического ущерба, скрываются от правоохранительных и судебных органов и не рассматриваются судами, а решаются, как и прежде, традиционным примирением, о котором я писала выше. Верховный суд РСО-А в 1999 г. рассмотрел 64 дела по автоавариям: 16 прекращено, остальные закончились вынесением приговора⁷⁵.

Между тем все дела, связанные с причинением умышленного физического ущерба (ранения, убийства, изнасилования), рассматривались и рассматриваются в настоящее время народными судами по нормам российского уголовного права. Наиболее сложные дела разбираются в ВС РСО-А. Обратимся к статистике. Так, в 1995 г. этот суд рассмотрел 45 подобных дел, в 1996 г. – 52, в 1999 г. – 85 дел, связанных с умышленными убийствами, и 92 дела по поводу умышленного причинения телесного ущерба (ранения). В 1999 г. ВС РСО-А осудил 62 чел., из них 50 получили длительные сроки наказания. Приведу примеры подобных дел, рассмотренных ВС. В сел. Эльхотово из-за дедежа приусадебного участка поссорились сын и отец, и сын ранил отца. ВС определил виновному три года лишения свободы. Другой пример: во Владикавказе мужчина убил свою жену. ВС определил виновному смертную казнь. В 1997 г. 70-летняя осетинка решила убить жену своего сына и наняла киллера, который выполнил задание. ВС определил женщине 13 лет лишения свободы⁷⁶.

Дела по кражам поступают в российские суды нечасто, поскольку потерпевшие не всегда подают заявление в правоохранительные органы. Так, в 1999 г. в республике было зарегистрировано 187 случаев краж скота, и только 127 дел были переданы в народный суд. В основном передаются дела, касающиеся разбойных нападений (6), грабежей (4), а также кражи скота с пастбищ и мест выгона. Были осуждены виновные по 66 преступлениям⁷⁷. ВС рассматривает и дела по изнасилованиям. Так, в 1999 г. он рассмотрел 16 таких случаев, по 12 из которых были вынесены приговоры⁷⁸.

Осетинские суды практически не рассматривают дела, связанные с похищением людей. Как правило, родственники потерпевшего не подают жалобу в правоохранительные органы, а пытаются собрать необходимую для выкупа сумму. Известен только один случай осуждения виновного в похищении человека. По данным ВС РСО-А, в 1999 г. было похищено 52 чел., при этом было заведено 11 уголовных дел по организованным группам похитителей⁷⁹.

Описание правовой культуры осетин показало, что в результате судебного реформирования, проводимого сначала российско-имперской, а затем советской властью, в изучаемом регионе сформировалось общество с преимущественно российским правосознанием при значительном ослаблении местных правовых традиций. Поэтому с достаточной долей условности современное осетинское общество можно рассматривать как общество, в котором возобладала идея правового монизма. Сложившаяся ситуация отражается в современной правовой идеологии, имеющей четкую ориентацию на российское законодательство. На бытовом уровне, особенно среди сельчан, распространена точка зрения о необходимости усиления борьбы с преступностью в республике. Так, в 1998 г. в республике возникло движение «Верните нам участкового», в основе которого лежало мнение о том, что за последние годы милиционеры стали халатно относиться к своим обязанностям и перестали контролировать криминогенную ситуацию на вверенных им участках. Сельчане недовольны деятельностью правоохранительных органов, считая, что их сотрудники отпускают виновных в серьезных преступлениях без передачи последних в руки правосудия⁸⁰.

В Республике Северная Осетия-Алания нет политических споров вокруг формы и степени признания местного права (адата и шариата). Как мне представляется, это обусловлено отсутствием как во властных, правоохранительных и судебных структурах, так и в национальных общественных движениях стремления к правовой свободе и правовой независимости от федерального Центра. Даже наиболее консервативная часть североосетинского общества, а именно лидеры Стыр Ныхас, невзирая на все формальные лозунги о возрождении правовых традиций осетин, все же осознают их слабую эффективность в современном осетинском обществе, уповая исключительно на усиление деятельности правоохранительных и судебных органов. Это же понимает и осетинская интеллигенция, которая в связи с катастрофической криминализацией республики выражает свое неверие в эффективность традиционных мер и занимает достаточно жесткую позицию относительно будущего правового поля в Осетии.

Примечания

¹ Мамсуров Н.С. Обычный суд у осетин // Периодическая печать об Осетии и осетинах. Кн. 1. Цхинвал, 1987. С. 133.

² Кулов С.Д. О некоторых пережитках феодально-родового быта и капитализма в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1941. С. 9; Маргиев В.И. История государства и права в Осетии. Майкоп, 1997. С. 190; Дзидзоев М.У. Общественно-политическая и государственно-правовая мысль в Северной Осетии (вторая половина XIX—начало XX в.). Орджоникидзе, 1979. С. 45; Баев М. Тагаурское общество в 1830 г. // Терские ведомости. 1869. № 6; Мамсуров Н.С. Указ. раб. С. 124.

³ Подробнее об этом см.: Бабич И.Л. Эволюция правовой культуры адыгов. М., 1999. С. 103–115.

⁴ Агишев Н.М., Бушен В.Д., Рейнсе Н.М. Материалы по обозрению Горского и народного судов Кавказского края. СПб., 1912. С. 141–142.

⁵ Пфаф В. Народное право осетин // Сб. сведений о Кавказе. Т. I. Тифлис, 1871.

⁶ Дзидзоев М.У. Указ. раб. С. 58; Неизвестный автор. Селение Какадур // Периодическая печать... Кн. 1. С. 145; К-в. Примирение кровников // Периодическая печать... Кн. 5. С. 373–375; Мечь за кровь // Периодическая печать... Кн. 1. С. 139; Новое обозрение // Периодическая печать... Кн. 1. С. 139.

⁷ Чочиев Г.В. Турецкие осетины: мифы и реальность // Северная Осетия. 2000. № 22.

⁸ Полевые материалы автора, 2000 г. (далее – ПМА РСО-А). Тетр. 1. Оп. 1. Д. 9; Богазов Р. В поисках истины // Жизнь правобережья. 1998. № 62.

⁹ Дзидзоев М.У. Указ. раб. С. 58; К-в. Указ. раб.; Неизвестный автор. Указ. раб. С. 380–382.

¹⁰ Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (далее – ЦГА РСО-А). Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 75. Л. 51.

¹¹ Хетагуров К. Особа // Периодическая печать... Т. 3. С. 156–159; Харитон. Селение Христиановское. Примирение кровников // Периодическая печать... Кн. 5. Цхинвал, 1991. С. 371; Баев М. Указ. раб.

¹² Харитон. Указ. раб. С. 371; Дзидзоев М.У. Указ. раб. С. 58; Неизвестный автор. Указ. раб.; Хетагуров К. Указ. раб. С. 156–157; Кануков И. Кровный стол. Из осетинских обрядов // Периодическая печать... Кн. 1. С. 204–206; Лавров Д.Я. Заметки об Осетии и осетинах // Терские ведомости. 1874. № 50.

- ¹³ Кануков И. Указ. раб. С. 204–206; Хетагуров К. Указ. раб. С. 158–159; Харитон. Указ. раб. С. 371; Мамсуров Н.С. Указ. раб. С. 124, 130; Неизвестный автор. Указ. раб.; К-в. Указ. раб.
- ¹⁴ Дзидзоев М.У. Указ. раб. С. 58.
- ¹⁵ К-в. Указ. раб.
- ¹⁶ Харитон. Указ. раб. С. 371.
- ¹⁷ Маргиев В.И. Указ. раб. С. 196.
- ¹⁸ Неизвестный автор. Указ. раб.; Бритаев Созырко-бей. Кровная месть // Периодическая печать... Кн. 5, С. 387; Дзидзоев М.У. Указ. раб. С. 58.
- ¹⁹ Дзидзоев М.У. Указ. раб. С. 57; Месть за кровь; Новое обозрение; Неизвестный автор. Указ. раб.; Хетагуров К. Указ. раб. С. 156–157; Кулов С.Д. Указ. раб. С. 8; Мамсуров Н.С. Указ. раб. С. 125; Бритаев Созырко-бей. Указ. раб. С. 387–388.
- ²⁰ Хетагуров К. Указ. раб. С. 156–157; Новое обозрение. С. 139; Мамсуров Н.С. Из корреспонденции для Нового обозрения // Периодическая печать... Кн. 1, С. 140–141.
- ²¹ Лавров Д.Я. Указ. раб.; Бабич И.Л. Указ. раб. С. 55–56.
- ²² Дзидзоев М.У. Указ. раб. С. 57.
- ²³ Хетагуров К. Указ. раб. С. 158.
- ²⁴ Мамсуров Н.С. Из корреспонденции... С. 140.
- ²⁵ Бирюлькин А. Двоеженство в Осетии // Терские ведомости. 1899. № 55; С.Б. Двоеженство в Осетии // Терские ведомости. 1911. № 158; ЦГА РСО-А. Ф. 224, 233, 256, 262, 291; см.: Бабич И.Л., Бобровников В.О. Традиционные конфликты и обычное право в колхозной деревне Северной Осетии (по архивным материалам Л.К. Гостиевой). Научный отчет для Института «Открытое общество».
- ²⁶ Дзугцев Х.В., Смирнова Я.С. Жизнь осетинской семьи. Владикавказ, 1993. С. 15–16.
- ²⁷ Фонд партии Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (далее – ФП. ЦГА РСО-А). Ф. 240. Оп. 1. Д. 54. Л. 132.
- ²⁸ Там же. Оп. 1. Д. 54. Л. 118, 132, 133; Д. 55. Л. 14.
- ²⁹ Там же. Д. 56. Л. 40–41.
- ³⁰ ЦГА РСО-А. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 60. Л. 62; Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 23. Л. 311.
- ³¹ См., напр.: Постановление Президиума ЦИК Горской АССР об отмене решения Заманкульского сельского совета об открытии в селении медиаторского суда от 22 июля 1922 г.; ЦГА РСО-А Ф. 161. Оп. 1. Д. 16. См.: Бабич И.Л., Бобровников В.О. Указ. раб. (по архивным материалам Л.К. Гостиевой).
- ³² ЦГА РСО-А. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 74. Л. 39.
- ³³ Там же. Д. 33. Л. 4, 348об.; Д. 37, л.74; Д. 58. Л. 3, 96; Д. 74. Л. 39; Д. 75. Л. 44об, 46, 51.
- ³⁴ Там же. Ф. 166. Оп. 1. Д. 37; Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 58. Л. 3, 96.
- ³⁵ ФП. ЦГА РСО-А. Ф. 1. Оп. 3. Д. 520. Л. 51; ЦГА РСО-А Ф. 166. Оп. 1. Д. 6.
- ³⁶ ЦГА РСО-А. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 1. Л. 151; Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 37. Л. 83, 83об, 111, 112, 147об.; Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 75. Л. 1.
- ³⁷ Там же. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 37. Л. 83, 83 об., 111, 112, 147 об.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 14. Л. 3, 6, 56.
- ⁴⁰ Там же. Д. 6.
- ⁴¹ Там же. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 75. Л. 44об, 46; Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 14. Л. 3, 6, 56.
- ⁴² Там же. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 11, 20, Оп. 2. Д. 2; Д. 24. Л. 71, 85, 92; Ф. 160. Оп. 1. Д. 11.
- ⁴³ ФП. ЦГА РСО-А. Ф. 240. Оп. 1. Д. 77. Л. 47.
- ⁴⁴ Там же. Д. 53. Л. 22.
- ⁴⁵ ЦГА РСО-А. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 112. Л. 13. См.: Мисроков З.Х. Исчезновение шариата в автономиях Северного Кавказа. М., 1979. С. 117–119.
- ⁴⁶ ФП. ЦГА РСО-А. Ф. 240. Оп. 1. Д. 51. Л. 27; Д. 53. Л. 22; Д. 77. Л. 113; ЦГА РСО-А. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 37. Л. 83, 83об., 111, 112. См.: Мисроков З.Х. Указ. раб.
- ⁴⁷ ЦГА РСО-А. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 55. Л. 7; Д. 74. Л. 39; Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 18.
- ⁴⁸ Там же. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 58. Л. 3, 96.
- ⁴⁹ Там же. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 49. Л.1-150.
- ⁵⁰ Там же. Д.1. Л.115; Д. 22. Л. 19, 28, 33, 102об.
- ⁵¹ Там же. Д. 20. Л. 337–345; Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 72. Л. 39.
- ⁵² Там же. Оп. 1. Д. 49. Л. 1–150.
- ⁵³ Там же. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 6, 25, 28, 37, 38; Д. 8. Л. 70об.; Д. 24. Л. 71, 85, 92; Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 75. Л. 1, 50.
- ⁵⁴ Там же. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 2, 10, 14, 17, 22, 30, 31.
- ⁵⁵ ФП. ЦГА РСО-А. Ф. 1. Оп. 3. Д. 520. Л. 7.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25. Л. 22; Д. 586. Л. 27, 30–31; Оп. 13. Д. 814. Л. 118.
- ⁵⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 586. Л. 77; Оп. 3. Д. 520. Л. 62, 65, 66; Кулов С.Д. Указ. раб. С. 8–9.

- ⁵⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 586. Л. 77.
- ⁵⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 586. Л. 27, 30–31, 35–37; Оп. 13. Д. 814. Л. 118.
- ⁶⁰ Жизнь правобережья. 1998. № 3, 33, 63; Ираф. 1999. № 24, 53; Северная Осетия. 1997. № 4, 141, 147; 1998, № 99, 110; 2000, № 9; Слово Ныхас. 2000. № 14; Суанов С. Сегодня погоду в Ирафском р-не делают деловые люди // Ираф. 1999. № 60.
- ⁶¹ Информационно-политический сборник. № 8–9. 1999. Владикавказ; Северная Осетия. 1997. № 127, 140; 1998, № 106, 107, 113, 185, 213; Стыр Ныхас. 2000. № 2 (80).
- ⁶² ПМА РСО. Тетр. 1. Оп. 2. Д. 5.
- ⁶³ Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 8; Оп. 2. Д. 5.
- ⁶⁴ Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 2, 12.
- ⁶⁵ Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 4, 8, 9, 10, 12.
- ⁶⁶ Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 10, 12; Оп. 2. Д. 5.
- ⁶⁷ Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 2, 4; Оп. 2. Д. 5.
- ⁶⁸ Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 4; Северная Осетия. 1997. № 118, 147.
- ⁶⁹ Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 8, 9, 11; Оп. 2. Д. 5;
- ⁷⁰ Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 6; Оп. 2. Д. 5.
- ⁷¹ Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 5; Оп. 2. Д. 5.
- ⁷² Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 4; Оп. 2. Д. 5.
- ⁷³ Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 1, 2; Северная Осетия. 1998. № 118.
- ⁷⁴ Конституция Республики Северная Осетия-Алания. Владикавказ, 1995.
- ⁷⁵ ПМА РСО-А. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 12.
- ⁷⁶ Северная Осетия. 1997. № 26; 2000. № 22, 32; ПМА РСО-А. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 12.
- ⁷⁷ Северная Осетия. 2000. № 9; Жизнь правобережья. 1998. № 22.
- ⁷⁸ ПМА РСО-А. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 12.
- ⁷⁹ Северная Осетия. 1997. № 55. 118; Стыр Ныхас. 2000. № 2 (80).
- ⁸⁰ Батагов Х.Х. У нас с вами одна цель – борьба с преступностью // Жизнь правобережья. 1998. № 51; Жизнь правобережья. 1998. № 63.

I.L. В а в и с h. The Ossetian Legal Culture and Juridical Reforms of the 19th and 20th centuries

The author describes introduction of the Russian juridical system into Ossetian society in the second half of the 19th century. The transition of Ossetians to the Russian legal system was not characteristic for the rest of the Caucasus mountaineer societies whose traditional norms were subjected by the Russian administration to gradual adaptation and reform. As most Ossetians were Christians Russian administrators opted for the rapid imposition of the Russian legal system. The Soviet legal reforms in Ossetia were also rapid and abrupt. The author follows the adaptation of the customary law to these abrupt changes and describes the evolution of legal practices in Ossetian society.

© 2001 г., ЭО, № 5

М.И. Васильев

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ РУССКИХ ТРАНСПОРТНЫХ КОММУНИКАЦИЙ X – НАЧАЛА XX в.*

Изучение любого элемента культуры всегда представляет для исследователя задачу с несколькими неизвестными. Это вызвано тем, что каждый элемент культуры, с одной стороны, иерархичен, а с другой – связан с себе подобными соподчинительным образом. Иерархичность говорит о присутствии определенных взаимосвязей внутри

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 99-01-00094).